ЕДЕМ В АХАНГАРАНСКУЮ ДОЛИНУ НА ОТВАЛЫ

Идея организовать экспедицию для журналистов в Ахангаранскую долину родилась в рамках проекта «Просто пишем о среде». Сначала журналисты собрались за «круглым столом» в Госкомприроде. Темой были «промышленные отходы», и специалисты постарались объяснить про них на примере Ахангаранской долины в надежде, что все поймем. Звучало много цифр и мудреных слов: пульпа, золошлакоотвалы, земельный отвод, шламонакопитель, вскрыша. Вроде нет иностранных, но такой тарабарщиной кажутся с непривычки. Разве можно об этом писать просто? Да и нужно ли: кому мешают 60 миллионов тонн фосфогипса? «Своими бы глазами посмотреть…»
«Так поехали!»

От редакционного здания поутру отправляется автобус. Нас больше тридцати — в основном пишущие журналисты и радийщики. Нормальные герои, которые всегда идут в обход, ни за какие деньги на отвалы не поедут, чтобы нюхать всякую заразу и пачкаться о золу. Но мы же журналисты: надо, и на зуб попробуем. Экологи сообщают о программе: «Смотрим золошлакоотвалы Ангренской и Новоангренской ГРЭС, отвалы вскрыши Ангренского угольного разреза, а в Алмалыке – фосфогипса».
Поначалу экспедиция напоминает экскурсию. «Посмотрите направо: вы видите отроги Кураминского хребта, а слева Чаткальский хребет. Ахангаранская долина по форме напоминает рог. В верховьях, там, где угольный разрез, долина всего в полтора-два километра, у Алмалыка она расширяется до двадцати, а при впадении реки Ахангаран в Сырдарью — до полусотни».
Автору этих строк приходилось бывать в Ахангаранской долине в пору строительства первых блоков Новоангренской ГРЭС. Помнится, с восторгом готовила заметку о монтаже котла с трехэтажный дом. Кроме котла тогда поразили градирни. Над этими сооружениями, похожими на громадные шахматные фигуры, курились облака. «Дым?» — «Пар». В нынешнюю поездку многие из коллег тоже об этом спрашивают. А им объясняют: «Градирни, чтобы охлаждать воду, используемую по технологии, а дым идет из труб, когда сжигается уголь».

Пока едем в автобусе, нам говорят о дыме, а заодно и о других вредных выбросах в атмосферу. Для промышленной области они — проблема. В Ахангаранской долине — особая, так как выбросы здесь не рассеиваются. Из-за горно-долинной циркуляции выбросы гуляют: днем ветер тянет их вверх, ночью вниз. Ну а если вдруг штиль, то все, что вылетает из труб, висит пеленой. «Когда строили, об этом не думали». С сороковых годов прошлого века тут возводили предприятие за предприятием. Поистине гигант — Алмалыкский горно-металлургический комбинат. Там же, в Алмалыке, — «Аммофос», выше по долине — Ахангаранский цементный, еще дальше, в Ангрене, — керамическое и резинотехническое производства. У каждого по букету выбросов, загрязненные стоки и твердые отходы.

В восьмидесятые о качестве среды уже забеспокоились. Хотя работа Новоангренской электростанции планировалась на угле, протянули к ней две нитки газопровода. И мы тогда тоже об этом радостно писали: «Нет дыма над ее трубами, значит, работает на газе. 60 процентов топлива для станции – газ». Мы смотрим на ее трубы — нет дыма. Здорово, что на газе: воздух чистый. С другой стороны, узбекский газ — ценное химическое сырье, которое и самим сгодится, и от экспорта валюта. Но если отказаться от газа, что взамен? «Уголь», — отвечают на станции.

Чаши с золой и шлаками

Группа специалистов-энергетиков, встречающая журналистов, готова ответить на вопросы, даже на дилетантские. А журналисты и есть дилетанты в энергетике, и тут без обид. Нас не волнует, в какой очередности работают семь блоков и как конкретно турбины производят хлеб промышленности. Есть энергия и ладно. Но как при этом минимизировать ущерб для среды? Наверняка с отказом от газа, а это дело решенное, он возрастет. «Золу куда девать будете?»

Зольность ангренского угля изначально являлась высокой, куда выше, скажем, ачинского. С расчетом на ачинский и проектировалась станция. Отказались от сибирского завоза, подтянули газ. Как второе топливо стали использовать ангренский уголек. Но с годами его зольность увеличилась с 12 до 35 процентов. В итоге те емкости, что строились для размещения золошлаков на долгую-долгую перспективу, уже заполнены. Нам показывают чашу, которая якобы озеро, а на самом деле — золошлакоотвал № 1, в котором пять миллионов кубов. Золошлаки поступают из тех котлов, что с трехэтажный дом, транспортируются сюда водой по трубам. А прикрывает их водное зеркало, чтобы не разносило ветром.

«Если чаша переполнена, дамбу может прорвать?» Специалисты объясняют, что дамба наращивается с внутренней стороны чаши, она надежна, есть в ней и пленка, и щебенка, как положено. Но уже ведется строительство нового золошлакоотвала. Согласия на него добивались в Госкомприроде лет шесть. Сначала просили 80 гектаров земли, а из-за растущей зольности угля пришлось переделывать проект на 104 гектара. Наконец он одобрен, и хокимият оформил отвод земли.

Сто гектаров — это много. Лет через десять еще сто гектаров понадобятся под отвалы? Когда видишь их, начинаешь понимать, что они природу не украшают. Тут — золошлакоотвалы, а по правому борту реки Ахангаран мы только что видели отвалы вскрышных пород с угольного разреза. Когда- то была ровная терраса над рекой, теперь на ней протянулась нескончаемая череда курганов. По Закону «Об отходах» все эти курганы должны быть приведены в божеский вид, или, как говорят экологи, рекультивированы. Но и вскрыша требует денег, и рекультивация. Нет на это денег — карьер уходит все глубже в недра. А чем глубже, тем выше зольность добываемого угля, ниже калорийность, и все больше отходов из котлов отправляется в отвалы.
«Разрешите вопрос, — мы опять напрягаем сотрудников Новоангренской ГРЭС, — если экологи не дадут разрешения или хокимият не сделает земельный отвод под третий золошлакоотвал, что будет со станцией?» — «Она остановится». Ой, вряд ли. В трудную минуту, предполагаем, упрямых экологов спросят, а не устали ли они работать? Но лучше, чтобы вопрос об отводе вовсе не возникал.
Снижение зольности зависит от угольщиков с разреза. Очень вдохновляет, что на карьере ведется реконструкция. По программе развития угольной промышленности на 2002-2010 добыча угля возрастет с 2,7 до 9,4 миллиона тонн. А в выработке электроэнергии его доля увеличится с 4,7 до 15 процентов. Вскрыша вырастет более чем в пять раз. Уголь удастся брать ближе к поверхности, лучшего качества. Но золошлаки будут и так, и эдак.

Оглядимся с дамбы

Наш журналистский корпус топчет ногами дамбу, чтобы убедиться, как она прочна. Дует ветер, и серая пена пузырится у берега. Разглядывая водную рябь, представляем себя местными жителями, которые на новом земельном отводе, может быть, еще вчера скот пасли, а скоро будут с опаской поглядывать, как плещет второе серое озеро, в котором ни искупаться, ни скотину напоить. Затем входим в положение энергетиков.
По большому счету они не виноваты в том, что топливо такое. За размещение отходов, а образуется их за год до четырехсот тысяч тонн, они платят деньги, за выбросы в атмосферу тоже. Впрочем, есть долг в сорок миллионов сумов. Если экологи разрешат направить эти деньги на замену электрофильтров, энергетики смогут сократить выбросы в атмосферу. К сухой золе есть интерес у потенциальных покупателей. Она уже используется как добавка в стройиндустрии, но реально использовать ее и как сырье, ведь содержит соединения ванадия, хрома, молибдена.
Варианты изучаются, заключены необходимые договоры, проводятся эксперименты и внешняя экспертиза золы. В общем, есть шанс снизить сбросы в чашу, превратив отход в товар. А именно это и требуется по закону: «максимально утилизировать».
Журналисты продолжают входить в положение энергетиков и спрашивают про деньги. «Много зарабатываете на продаже энергии?» Судя по всему, здесь только учатся считать доходы. В 2001 году государственная региональная электростанция стала дочерней

акционерной компанией, с недавних пор преобразована в унитарное предприятие. Поэтому и вывеску сменили: оно теперь не ГРЭС, как именуют по привычке, а ТЭС. Нам называют прибыль за год. Но на эти деньги технологию, чтобы мечты стали былью, не внедрить. А чтобы привлечь частные инвестиции, надо акционироваться. Эта процедура запланирована. Верим и все же просим на станции телефоны: «Хотим держать руку на пульсе».

Где нетронутые ландшафты?

К угольному разрезу автобус подкатил совсем ненадолго. Заглядываем за железнодорожные пути в глубь карьера, пытаясь сориентироваться, как будет расширяться и откуда повезут вскрышу в новые отвалы. Что еще интересного? Экологи показывают на край плотины Ахангаранского водохранилища: «Ее построили, чтобы защитить разрез от затоплений. Такое случалось в катастрофические паводки полвека назад».

Речка уже много лет течет в теле плотины по туннелю. В паводки она насыщает подземные воды, которые и питают промышленные предприятия, ведь речной не хватает: «Ледников на хребтах, обрамляющих долину, нет, паводки скоротечны, зато засушливый период длителен». Выходит, по всем экологическим статьям тут напряженка, и с водой тоже. Но отвлекаться не станем, водообеспечение — тема отдельного разговора. А у нас по программе Ангренская ГРЭС, также переименованная в ТЭС.

Одним из источников топлива для нее многие годы был газ, получаемый от сжигания угля в недрах. Происходило это по соседству на объекте, называемом «Подземгаз». По заданию редакции мне приходилось на нем бывать в конце восьмидесятых годов. О том, что под ногами в угольном пласте разожжен газогенератор, не догадаться. Ландшафт открывался от конторы первозданный: отработали участок, вытащили из земли трубы, и все, как было.

Но и на склоне между скважинами, в которые закачивали воздух, и другими, из которых выходил подземный газ, росли трава и цветы. Куда ни глянь — глаз отдыхает.

Здесь получали из недр полтора миллиарда кубометров газа, что в пересчете на ангренский уголь равнялось 350 тысячам тонн. Планировали построить еще три объекта подземной газификации, чтобы подавать энергетикам четверть, треть, половину всего топлива, не загромождая перспективные площади отвалами. Может быть, время тогда не пришло для исполнения желаний. Непривычный товар подавался в котлы, рассчитанные на уголь. Следовало и на тепловой электростанции, и на «Подземгазе» обновить оборудование, снизить себестоимость, повысить качество, увеличить добычу. Угас огонь в пластах.

А на Ангренской ТЭС всего одна ступень очистки. Подъезжая к ней, видим, как дымит. Ее специалисты объясняют, что электрофильтры улавливают 98 процентов угольной пыли. Если сжигается миллион тонн, сколько ж золы вылетает в небо… «Вы следите за состоянием электрофильтров? — спрашиваем экологов. — Энергетики утверждают, что

степень улавливания почти стопроцентная, вы подтверждаете?» Это они подтвердить или опровергнуть не могут.
В странной ситуации пребывают природоохранные службы. Призваны контролировать исполнение природоохранного законодательства. Но выявить нарушения на предприятии могут раз в несколько лет, когда проводится по разрешению Координационного совета комплексная проверка. Если предприятие в списке опасных, раз в месяц сюда придут лаборанты замерить выбросы и сбросы. Если выявлены грубые нарушения, экологи вправе добиться разрешения на внеочередную проверку. Авария — исключительный случай. Не понимаем, зачем ждать аварий, и как быть сейчас: верить — не верить?

Мониторинг по заказу

Пешком идем на отвалы, расположенные вблизи. Тут все сухо и серо. Лишь желтый экскаватор замер в котловане, прорезанном автомобильными шинами. Рябит на пригорках зола. Она причесана ветром, как песок в пустыне. И по этим пригоркам три пацана печатают свои следы. Что они тут делают — прибежали поглазеть на приезжих? Фоном для унылых просторов служит Кураминская гряда. И тут, как там, когда-то ликовала природа, а пацаны об этом даже не догадываются, сжившись с отвалами, местом мальчишеских забав. Чаши тут нет, вместо нее — котлован, а в нем тонна плюсуется к тонне. Мокрые золошлаки подсыхают и доступны всем ветрам. До нас доходит, что это цена за хлеб промышленности. Дополнительная цена — за низкий ее КПД и транжирство энергии.
«Быстрей в автобус, — торопят журналистов. — У нас программа!» Автобус мчит по долине вниз, а мы отслеживаем, как она расширяется. За окнами мелькают белые будки. Они в программу не вмещаются. Но это то позитивное, говорят, с чем надо поподробнее познакомиться в будущем. С их помощью ведется мониторинг за хвостохранилищем Алмалыкского горно-металлургического комбината.
Хвостохранилище — на склоне. Слово кажется смешным. Выслушиваем еще совсем немного дополнительной информации и перестаем смеяться. Хвосты — это термин, обозначающий отходы горнорудной промышленности. Как бы и вовсе не смешно, если их сюда по пульповоду уже больше сорока лет сбрасывают. А скважины, которых полсотни, замеряют степень утечек-протечек. Внизу же поселки, люди в них пользуются колодцами и скважинами питьевого назначения. Надо знать. «Кто знает?» Межотраслевая лаборатория водных ресурсов Национального университета. Впрочем, и она сейчас знает далеко не все, поскольку экологический мониторинг — дорогое удовольствие. В начале девяностых его заказывали семнадцать предприятий, сейчас только АГМК.

Надо попробовать

Автобус мчит к «Аммофосу». Его 60 миллионов тонн фосфогипса нам покоя не дают. Из автобуса видно сперва одну длинную-длинную гору, потом вторую, третью, четвертую. Все из фосфогипса, ну и пейзаж.
Журналисты с самого начала экспедиции намеревались его понюхать и пощупать, мол, что за «чудо» такое. Но чем больше информации, тем с большей опаской рассматриваем горы. Сырье, поступающее в Алмалык с Кызылкумского фосфоритного комбината, фонит. Радиоактивный фон добавился к тому негативу, что имели фосфориты с казахстанского месторождения Каратау. На тонну аммофоса образуется от двух до четырех тонн отходов. Как с тем углем получилось: от родного сырья отходов больше. В процессе производства выделяется агрессивный хлор, летит оборудование, которое надо каждые полгода капитально ремонтировать, и эти расходы накладываются на себестоимость. Удорожает себестоимость и плата в фонд охраны природы за размещение отходов. Сейчас, вместе с

испарителями и шламонакопителями, отходы занимают площадь в двести шестьдесят гектаров.
Дорога на отвалы такая мрачная, что кажется дорогой в никуда. Но оттуда мчит навстречу оранжевый «БелАЗ» — он уже опорожнил на одной из гор свой двадцатитонный кузов. Мы забираемся, чтоб не рисковать, на насыпь вдоль дороги, кстати, из фосфогипса. Слегка тонем в мягкой коричневатой породе, вдыхаем специфически-химические запахи. Не знаем, насколько фонит, но есть ощущение, что шестьдесят миллионов тонн фосфогипса тут лишние.
Наталия ШУЛЕПИНА
«Правда Востока», 19.11.2004г.
Экоальманах «Просто пишем о среде» (3-й выпуск), 2005г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

18.05.2009